

Священникъ Димитрій Ромашковъ.

**Въ какихъ
отношеніяхъ гражданская
свобода должна стоять къ
свободѣ христіанской?**

PN
36538

~~19427~~

Священникъ Димитрій Томашковъ.

**Въ какихъ
отношеніяхъ гражданская
свобода должна стоять къ
свободѣ христіанской?**

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петров. пер. № 17-й.

1906.

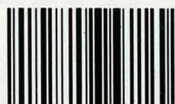
РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

1437-12

статья
в журнале «Вопросы философии»
от 1906 г.

Отдельные оттиски из №№ 3 и 4 ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1906 г

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

2009189095

Въ какихъ отношеніяхъ гражданская свобода должна стоять
къ свободѣ христіанской?

Самодержавною Волею Государя Императора дарована всему русскому народу широкая свобода. Первый пунктъ Высочайшаго Манифеста, отъ 17-го октября, гласить, что непреклонная воля Государя, выполнение которой возложено Имъ на обязанность правительства, состоитъ въ „дарованіи населенію неизблемыхъ основъ гражданской свободы, на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.“ Итакъ, отселѣ народъ русскій становится свободнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Черезъ сорокъ пять лѣтъ послѣ физическаго освобожденія извѣстной части русскаго народа, двадцати трехмилліоннаго населенія его, отъ крѣпостной зависимости отъ дворянъ—помѣщиковъ, нынѣ спали съ него духовныя оковы и онъ—народъ—какъ птица расправляетъ крылья свои, готовый вылетѣть изъ родного, насиженнаго имъ гнѣзда своего. Но куда же онъ полетитъ теперь и какъ, вообще, будетъ совершаться это полетъ его въ будущемъ?...

Несомнѣнно, что большинство русскихъ людей, получившихъ свободу отъ Государя, принадлежитъ къ христіанскому званію. Кромѣ того, что они состоятъ членами государства, настоящими гражданами своего земного отечества, они состоятъ еще также членами Церкви Православной, будущими гражданами отечества небеснаго (Еф. II, 19; Евр. XII, 22). Какъ христіанъ, Ап. Павелъ умоляетъ Ефесянъ *достойно ходити званія* своего, христіанскаго, *въ юже званіи быша* (Еф. IX, 1). Въ какихъ же спрашивается, отношеніяхъ должны находиться русскіе люди, не только, какъ граждане, но и какъ христіане къ открывшейся имъ, такъ называемой, гражданской свободѣ? И въ какихъ, вообще, взаимныхъ отношеніяхъ должны стоять

двѣ, существующія теперь наряду и вполне законныя, свободы: свобода гражданская и свобода христіанская?..

Прежде чѣмъ говорить о свободахъ, разграниченныхъ въ Высочайшемъ манифестѣ на четыре рода или вида, въ отдѣльности о каждой изъ нихъ, скажемъ вообще о свободѣ, какъ она должна пониматься и усвояться христіанами, людьми различныхъ званій и положеній въ обществѣ.

Хотя въ Церкви Христовой, по слову Апостола Павла, „нѣтъ раба, ни свободнаго“ (Гал. III, 28; Кол. III, 11), понимаемыхъ въ обыкновенномъ житейскомъ смыслѣ, однако въ ней существуютъ своего рода свобода и рабство, понимаемыя въ духовномъ и высшемъ смыслѣ этихъ словъ. Только путемъ познанія истины Божіей христіане могутъ быть свободными людьми, свободными, конечно, не въ физическомъ, а въ нравственномъ отношеніи. „И познаете истину,—говоритъ Христосъ Спаситель,—и истина сдѣлаетъ васъ свободными“ (Іоан. VIII, 32). Отъ чего-же сдѣлаетъ свободными?—Отъ рабства грѣху, которому подвержены бываютъ люди: ибо „всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха“ (Іоан. VIII, 34). Значитъ только тогда, когда „Сынъ“ Божій „освободитъ насъ отъ этого рабства духовнаго, мы можемъ быть „истинно свободными“ (Іоан. VIII, 36) людьми. Потому то Апостоль Христовъ и замѣчаетъ: „гдѣ Духъ Господень, тамъ свобода“ (2 Кор. III, 17) т. е. тамъ, гдѣ люди руководятся Духомъ Божіимъ, поставляющимъ ихъ на всякую истину (Іоан. XIV, 17, 26), тамъ и обрѣтается истинная свобода.

Но Церковь Христова, освобождая насъ отъ одного рабства—грѣховнаго, закрѣпощаетъ насъ въ другомъ рабствѣ—святотѣ. „Освободившись отъ грѣха,—пишетъ Ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ,—вы стали рабами праведности.. Ибо, когда вы были рабами грѣха, тогда были свободны отъ праведности. Но нынѣ, когда вы освободились отъ грѣха, и стали рабами Богу, плодъ вашъ есть святость, а конецъ жизнь вѣчная“ (Римл. VI, 18, 20, 22). Значеніе истинной свободы слѣдовательно, простирается не на здѣшнюю только жизнь, а и на будущую, и не на однихъ только людей, а и на всю тварь земную, которая „освобожде-

на будетъ отъ рабства тлѣнія въ свободу славы дѣтей Божіихъ“ (Римл. VIII, 21). Для людей, получившихъ такую свободу въ жизни, „откроется“ нѣкогда „свободный входъ въ вѣчное царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа“ (2 Петр. I, 11). Таковъ высшій нравственный „законъ свободы“, „законъ совершенный“ (Іак. I, 25), существующій въ христіанствѣ. „Вспикнемъ“ же мы, христіане въ этотъ законъ и, согласно ученію Ап. Іакова, который заповѣдалъ намъ „такъ говорить и такъ поступать, какъ имѣющимъ быть судимыми по закону свободы“ (Іак. II, 12), взглянемъ съ точки зрѣнія этой высшей духовной свободы на тѣ виды гражданской свободы, которые дарованы русскому народу Высочайшимъ Манифестомъ.

Намъ дарована, пережде всего *свобода совѣсти*. Что-же это значить? Значить—ли это то, что мы должны освобождаться отъ совѣсти совсѣмъ? Нѣтъ конечно! Есть, къ сожалѣнію, люди и притомъ, немалочисленные въ нашемъ отечествѣ, которые, не имѣя въ себѣ. повидимому, никакой совѣсти, живутъ подобно бессловеснымъ животнымъ и рѣшаются на всякіе поступки, будутъ-ли они хорошіе или дурные, безразлично. Это засвидѣтельствовано и свидѣтельствуется почти ежедневнымъ опытомъ и наблюденіемъ надъ жизнію нѣкоторыхъ современныхъ русскихъ людей. Въ отвѣтъ на тѣ или иные поступки ихъ, несогласные съ законами божескими и человѣческими, нерѣдко можно услышать изъ устъ нашихъ восклицаніе: „бесовѣстный ты чловѣкъ.“ Другимъ людямъ, у которыхъ совѣсть заснула и не заявляетъ о себѣ никакими внѣшними знаками присутствія, мы говоримъ: „какъ тебѣ не совѣстно,“ желая этимъ самымъ вызвать въ нихъ заснувшую или заглухнувшую совѣсть.

Но въ обоихъ этихъ случаяхъ, если люди имѣютъ право жить безъ совѣсти совсѣмъ или же заглушать ее въ себѣ настолько, что голосъ ея становится имъ почти не слышнымъ, бываетъ на самомъ дѣлѣ не отсутствіе совѣсти, какъ извѣстнаго психическаго и фізіологическаго явленія, но извращеніе естественнаго и вполне нормальнаго ея отправления. Совѣсть въ каждомъ чловѣкѣ, здоровомъ душевно и фізически, проявляетъ себя непремѣнно такъ или иначе. Присутствіе ея вы-

зывается въ насъ иногда помимо нашей воли. Не то замѣчается въ челоуѣкѣ больномъ, какъ душевно, такъ и физически. Здѣсь уже нельзя видѣть функционированія совѣсти нормальнымъ образомъ. Здѣсь она иногда притупляется и какъ бы совершенно отсутствуетъ въ челоуѣкѣ. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, этого конечно не бываетъ. Совѣсть въ каждомъ изъ насъ присутствуетъ постоянно. Только она получаетъ различные оттѣнки и направленія въ душѣ нашей.

Вопросъ о совѣсти освѣщенъ въ христіанствѣ въ достаточной степени. По ученію христіанскому, люди бываютъ не съ одинаковою совѣстію. Такъ, одни бываютъ съ совѣстію *доброю* (Дѣян. XXIII, 1; 1 Петр. III, 16, 21; 1 Тим. I, 5, 19; Евр. XIII, 18), *чистою* (1 Тим. III, 9; 2 Тим. I, 3), *спокойною* (1 Кор. X, 25, 27), *непорочною* (Дѣян. XXIV, 16), однимъ словомъ, съ совѣстію *совершенною* (Евр. IX, 9). Другіе бываютъ съ совѣстію *неможною* (1 Кор. VIII, 7, 10, 12), *порочною* (Евр. X, 22), *сожженною* (1 Тим. IV, 2), *оскверненною* (1 Кор. VIII, 7; Тим. I, 15), съ совѣстію *признающею идоловъ* (1 Кор. VIII, 7). И если у людей первой категоріи совѣсть должна быть свидѣтелемъ и показателемъ ихъ добраго вообще поведенія предъ Богомъ и другими людьми (Рим. II, 15;—IX, 1; 2 Кор. IV, 2): то совѣсть людей, принадлежащихъ ко второй категоріи, должна быть, наоборотъ, свидѣтелемъ и показателемъ ихъ дурнаго поведенія въ томъ же отношеніи. Если для однихъ совѣсть должна служить *похвалою* (2 Кор. I, 12) и *оправданіемъ* (Рим. II, 15), залогомъ „сохраненія тайнства вѣры“ (1 Тим. III, 9) и „спасенія воскресеніемъ Іисуса Христа“ (1 Петр. III, 21): то для другихъ совѣсть должна служить *обличеніемъ* (Іоан. VIII, 9) и *обвиненіемъ* (Рим. II, 15) въ ихъ дурныхъ поступкахъ и потому должна быть предметомъ тщательнаго съ ихъ стороны очищенія, исправленія и приведенія ея въ надлежащій видъ. Апостоль Христовъ, сказавъ, что „кровь Христа, Который Духоуъ святымъ принесъ Себя непорочнаго Богу, очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ, для служенія Богу живому и истинному“ (Евр. IX, 14), призываетъ далѣе христіанъ „приступить“ къ Нему „съ искреннимъ сердцемъ, съ полною

вѣрою, кропленіемъ очистивъ сердца отъ порочной совѣсти“ (Евр. X, 22).

Если же такъ, то какое значеніе имѣеть вопросъ того же Апостола: „для чего моею свободою быть судимою чужою совѣстію“ (1 Кор. X, 29)? По контексту рѣчи въ приведенныхъ словахъ трактуется именно о томъ, какъ обходиться христіанину съ пищею, чтобы не согрѣшить употребленіемъ идоложертвеннаго. Въ этомъ случаѣ христіанинъ дѣйствительно имѣеть свободу совѣсти. „Онъ говоритъ какъ сынъ: совѣсть другого для меня не законъ. Своему убѣжденію долженъ я слѣдовать, а не чужому. По своему убѣжденію я имѣю свободу, полную, относительно всякаго рода пищи, другіе судятъ иначе... Этимъ сужденіемъ моя совѣсть и моя свобода не связывается. И я безъ смущенія могъ бы ѣсть, не смотря на указаніе, что предлагаемое идоложертвенное; но я воздерживаюсь не по этому слову, оно меня не вяжетъ, я и при немъ попрежнему свободенъ. Вяжетъ меня другой законъ моей же совѣсти, а не чужой“ ¹⁾.

Но вышеприведенныя слова Апостола: „для чего моею свободою быть судимою чужою совѣстію“, нельзя, конечно, понимать въ томъ смыслѣ, чтобы люди, имѣющіе совѣсть злую и порочную, не были судимы людьми, имѣющими совѣсть добрую и честную. Нѣтъ, такой „судъ чужой совѣсти“ для нѣкоторыхъ изъ людей является въ настоящее время весьма необходимымъ и полезнымъ средствомъ очищенія ихъ собственной совѣсти и приведенія ея въ нормальное, истинно человѣческое состояніе, существующее только въ христіанствѣ. Очевидно, что послѣднее признаетъ нѣкоторыя границы въ области свободы совѣсти человѣческой.

Намъ дарована, затѣмъ, *свобода слова*, слова какъ устнаго, такъ и печатнаго. Какъ-же должна пониматься эта свобода съ христіанской точки зрѣнія? Такъ-ли, что теперь должны изрыгаться изъ устъ нашихъ всякія слова, какъ хорошія, такъ и дурныя, какъ полезныя, такъ и вредныя, и должны проноситься по лицу всей земли русской, какъ бурный всесоору-

¹⁾ Толкованіе перваго посланія св. Апостола Павла къ Коринѳянамъ. Епископа Теофана. Изданіе второе. Москва, 1893 г. стр. 382.

шающій потокъ? Или же здѣсь должна соблюдаться нѣкоторая мѣра и осторожность, ограничивающая произволь и своеволие въ словахъ, недостаточныхъ человѣка какъ сотвореннаго по образу и подобію Божію? Конечно, мы, какъ христіане, сильно погрѣшили бы, еслибы стремглавъ набросились на эту свободу, дарованную намъ, и стали бы проводить ее въ свою личную и общественную жизнь. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ ясныя и опредѣленныя заповѣди Закона Божія, который долженъ служить для насъ какъ-бы зеркаломъ, въ которое мы должны постоянно смотрѣться для того, чтобы не погрѣшать намъ въ своемъ словѣ человѣческомъ.

Слова Христа Спасителя: „говорю же вамъ, что за всякое праздное слово, какое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда. Ибо отъ словъ своихъ оправдаешься, и отъ словъ своихъ осудишься“ (Матѣ. XII, 36—37),—эти слова непременно должны быть принимаемы во вниманіе всякимъ христіаниномъ, при той свободѣ слова, какая дарована ему теперь, если только онъ желаетъ достойно ходить своего званія христіанскаго (Еф. IV, 1). Поэтому не безъ разбора и не безъ размышленія онъ долженъ употреблять свое слово, а съ великимъ тщаніемъ и осторожностію.

Если за всякое праздное только и невинное само по себѣ слово мы подлежимъ отвѣту на судѣ, то тѣмъ болѣе конечно за „слово хульное на Бога“ (Дѣян. VI, 11) или оскорбительное по отношенію къ ближнему своему. Если кто скажетъ слово на Сына человѣческаго,—учить Самъ Христось,—простится ему: если же кто скажетъ на Духа Святого, не простится ему ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ“ (Матѣ. XII, 32). „Кто скажетъ брату своему: рака (т. е., пустой человѣкъ) подлежитъ синедріону (т. е., верховному судилищу); а кто скажетъ: безумный, подлежитъ гееннѣ огненной“ (Матѣ., V 22). Такъ строго судить о словѣ человѣческомъ воплощенное Слово Божіе, Господь нашъ Иисусъ Христось (Іоан. I, 14). Сообразное съ этимъ судомъ, ученіе это находимъ мы во всемъ, не только Новомъ, но и Ветхомъ Завѣтѣ.

„Никакое гнилое слово,—учить Апостоль Христовъ—да не исходить изъ устъ вашихъ, а только доброе для назиданія въ

вѣрѣ, дабы оно доставляло благодать слушающимъ“ (Еф. IV, 29). „Слово ваше *да будетъ* всегда съ благодатию, приправлено солью, дабы вы знали, какъ отвѣчать каждому“ (Кол. IV, 6). Мы должны „удерживать языкъ свой отъ зла и уста свои отъ лукавыхъ рѣчей“ (1 Петр. III, 10) и „говорить истину“, одну только истину, „каждый ближнему своему“ (Еф. IV, 25). Если „всякій человекъ долженъ быть медленъ на слово“ (Іак. I, 19), то тѣмъ болѣе христіанинъ, знающій, что онъ „отъ своихъ словъ или оправдается, или осудится“ (Мат. XII, 37). Къ нему, поэтому, вполне приложимо изреченіе Премудраго: „слова твои да будутъ не многи“ (Еккл. V, 1), потому что сила и дѣйственность рѣчи заключаются не въ количествѣ словъ, а въ качествѣ ихъ.

Изъ устъ человека—христіанина должно выходить всегда „слово здоровое, неукоризненное“ (Тим. II, 8), слово не „пустое“ (Ос. X, 4; Еф. V, 6), а имѣющее то или иное „значеніе“ (1 Кор. XIV, 10), слово не двусмысленное, изрекаемое въ видѣ: „то да, то нѣтъ“ (2 Кор. I 18), а прямое и твердое, изрекаемое въ видѣ: „да, да; нѣтъ, нѣтъ“ (Матѣ. V, 37). Какъ „разумный воздерженъ“ бываетъ „въ словахъ своихъ“ (Прит. XVII 27): такъ, наоборотъ, „голосъ глупаго познается при множествѣ словъ“ (Еккл. V 2). „Слова изъ устъ мудраго—благодать, а уста глупаго губятъ его же; начало словъ изъ устъ его—глупость, а конецъ рѣчи изъ устъ его—безуміе. Глупый же говоритъ много, *хотя* человекъ не знаетъ, что будетъ, и кто скажетъ ему, что будетъ послѣ него“ (Ек. I, 12—14)? „Хорошо“ только „слово, сказанное во время и прилично“ (Прит. XV, 23, —XXV, 11). Такъ бываетъ въ житейской практикѣ людей, во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ между собою.

Но христіанство указываетъ на тѣ же самыя отношенія наши и къ Богу. „Кто не обуздываетъ своего языка, но обольщаетъ свое сердце, у того пустое благочестіе“, говоритъ Ап. Іаковъ (Іак. I, 26). Напротивъ, „тотъ человекъ совершенный, могущій обуздать и все тѣло, кто не согрѣшаетъ въ словѣ“ (Іак. III, 2).

Итакъ изъ приведенныхъ нами мѣстъ Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта ясно видно, что свобода слова хри-

стіанская значительно отличается отъ свободы слова неразумной, противной и свободѣ гражданской. Хотя „слова усть человѣческихъ“, по выраженію Премудраго, „глубокія воды“ (Прит. XVIII, 4); но, по замѣчанію Апостола, какъ „изъ одного отверстія источника не течеть сладкая и горькая вода“, такъ „изъ однихъ и тѣхъ же усть не должно исходить благо, словеніе и проклятіе“ (Іак. III, 10—11).

При свѣтѣ христіанства мы можемъ оцѣнить теперь, какъ слѣдуетъ, и ту свободу слова, которой злоупотребляютъ люди, не имѣющіе въ себѣ совѣсть духа христіанскаго. Скажите по совѣсти, развѣ это истинная свобода слова, когда нѣкоторые изъ насъ, носящіе на себѣ, повидимому, званіе христіанское, на самомъ же дѣлѣ давно уже отвергшіеся его, люди ни во что невѣрующіе въ своемъ умѣ и сердцѣ, позволяютъ себѣ своими „нечестивыми устами изрыгать всякое „зло“ (Прит. XV, 28), когда слова ихъ являются не только „не со смысломъ“ (Іов. XXXIV, 35;—XXXVIII, 2) и потому „невозмутительными“ (1 Кор. XIV, 9), но и прямо таки „неистовыми“ (Іов. VI, 3) и „безумными“ (Пс. XIII, 1; Ек. X, 13), когда „слова ихъ, какъ ракъ, распространяются“ (2 Тим. II, 17) и заражаютъ собою многія простыя души? Развѣ въ этомъ состоитъ свобода слова этихъ людей, что они, „будучи поборниками неправды“ (Іс. XXIX, 20), „самихъ себя опутываютъ словами усть своихъ“ (Прит. VI, 2), какъ какими-либо тенетами, а также и другихъ людей стараются „запутать въ словахъ“ своихъ (Іс. XXIX, 21), что они, помимо запрещенія „не вступать въ словопренія“ (2 Тим. II 14), будучи заражены *страстію* къ состязаніямъ и словопреніямъ, отъ которыхъ происходятъ зависть, распри, злорѣчія, лукавыя подозрѣнія, пустые споры между людьми поврежденнаго ума, чуждыми истины“ (1 Тим. VI, 4—5), стараются заводить теперь все это именно у себя? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Судь Божій изреченъ такимъ людямъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ: „дерзостны предо Мною слова ваши—говорить Господь устами пророка Малахія, вы—прогнѣваете Господа словами вашими“ (Мал. III, 13;—II, 17). А въ одномъ изъ псалмовъ Давидовыхъ мы читаемъ слѣдующее: „вотъ, они (враги Божіи и человѣческіе)

изрыгаютъ хулу языкомъ своимъ; въ устахъ ихъ мечи, ибо, *думаютъ они*, кто слышитъ? Но Ты, Господи, посмѣешься надъ ними... Слово языка ихъ есть грѣхъ устъ ихъ; да уловятся они въ гордости своей за клятву и ложь, которую произносятъ. Расточи ихъ во гнѣвѣ, расточи, чтобъ ихъ не было; и да познаютъ, что Богъ владычествуетъ надъ Иаковомъ до предѣловъ земли. Пусть возвращаются вечеромъ, воютъ, какъ псы, и ходятъ вокругъ города. Пусть бродятъ, чтобы найти пищу, и не сытые проводятъ ночи. А я буду воспѣвать силу Твою, и съ равняго утра провозглашать милость Твою; ибо Ты былъ мнѣ защитою и убѣжищемъ въ день бѣдствія моего (Пс. 58, 8—9; 13—17).

Намъ дарована еще *свобода собраній*. Какъ понимать эту свободу? Неужели христіанину разрѣшается по совѣсти посѣщать всякія собранія, изъ какихъ бы людей они ни состояли, вѣрующихъ, или не вѣрующихъ, нравственныхъ, или безнравственныхъ? Нѣтъ, христіанинъ хорошо знаетъ, что „блаженъ“ только „тотъ мужъ, который не ходитъ на совѣтъ нечестивыхъ, и не стоитъ на пути грѣшныхъ, и не сидитъ въ собраніи развратителей“ (Пс. I, 1). Знаетъ онъ и то, что „путь нечестивыхъ погибнетъ“ (Пс. I, 6) и потому, конечно, не посѣщаетъ такихъ собраній, на которыя собираются иногда, люди не въ количествѣ двухъ или трехъ, а въ количествѣ цѣлыхъ десятковъ и сотенъ, и собираются не „во имя Божіе“ (Матѣ. XVIII, 20), а во имя своихъ похотѣній. Христіанинъ знаетъ одни только собранія, именно, „Священныя собранія“ то есть, освященныя святыми и общепольными цѣлями (Исх. XII, 16; числ. XXVIII, 26 и др.); на которыя собираются единомышленные ему братья—христіане, не подъ тлѣннымъ краснымъ флагомъ—символомъ крови, подъ коимъ собираются теперь многіе изъ русскихъ людей, стоящихъ во главѣ, такъ называемаго, освободительнаго движенія; а подъ безсмертною и вѣчною хоругвію св. Церкви—Крестомъ Христовымъ—символомъ любви. Вотъ такія то собранія онъ охотно и съ радостію посѣщаетъ всегда, какъ любезныя и дорогія его сердцу, а не тѣ многочисленныя и многошумныя собранія, какія вошли у насъ въ такую

моду въ послѣднее время и на какія собираются люди различныхъ профессій и званій.

Если предметомъ первыхъ собраній, собраній „во имя Господа“ (1 Кор. V, 4), бываетъ „благословеніе Господа“ (Пс. XXV, 12;—LXII, 27), „хвала и прославленіе“ Его (Пс. XXI, 26;—XXXIV, 18), какъ Міроправителя и Промыслителя, „возвѣщеніе“ людямъ „правды Божіей“ (Пс. XXXIX, 10) и „прославленіе истинны Божіей“ (Пс. LXVIII, 6): то предметомъ вторыхъ собраній бываетъ хуленіе имени Божія и Царскаго. Здѣсь, на этихъ послѣднихъ собраніяхъ, враги Божіи и Царскіе „рыкаютъ, какъ львы, ищущіе кого-либо поглотить“ (1 Петр. V, 8) изъ среды народной; здѣсь, по-истинѣ, во всей силѣ и наготѣ „открывается злоба человѣческая“ (Прит. XXVI, 26); здѣсь „встаютъ и кричатъ“ (Іов. XXX, 28), кто во что гораздъ, готовые перекричать другъ друга; здѣсь, такимъ образомъ, „собраніе бываетъ“ почти всегда „безпорядочное“, когда „одни кричатъ одно, а другіе другое“ и когда „большая часть *собравшихся* не знаютъ, зачѣмъ собрались“ (Дѣян. XIX, 32); здѣсь люди становятся не братьями единовѣрнымъ и единоплеменнымъ имъ согражданамъ, а „братьями шакаламъ“ (Іов. XXX, 29) по своей кровожадности и ярости соперничающіе съ ними. Дальше, какъ можно дальше, бѣги, христіанинъ, отъ этихъ нечестивыхъ собраній человѣческихъ: потому что „не приобщится къ нимъ слава Божія“ (XLIX, 6)!..

Намъ дарована, наконецъ, *свобода союзовъ*. Эта свобода состоитъ въ томъ, что теперь люди различныхъ профессій могутъ соединяться вмѣстѣ и сообща обсуждать свои дѣла. И какихъ только союзовъ не существуетъ у насъ благодаря этой, дарованной намъ, свободѣ! Такъ, напр., существуютъ союзы педагогическіе, ученическіе, родительскіе, существуютъ союзы адвокатскіе, желѣзнодорожническіе, рабочіе, и разные другіе. Хорошо, конечно, если всѣ эти союзы предпринимаются съ мирною цѣлью, съ цѣлью усовершенствованія матеріальнаго быта тѣхъ или иныхъ людей, т. е., если они происходятъ на законной почвѣ, но дурно то, если они предпринимаются съ злоумышленною цѣлью, съ цѣлью ниспроверженія существующаго у насъ государственнаго порядка, т. е., если они проис-

ходятъ на беззаконной почвѣ. Въ такомъ случаѣ добра отъ этихъ союзовъ ждать намъ никакого нельзя, кромѣ зла. Къ нашимъ революціонерамъ, стремящимся не къ объединенію Россіи, а къ раздѣленію ея на части и потому желающимъ не спасенія ея, а гибели, къ нашимъ революціонерамъ, соединяющимся въ тѣсныя между собою союзы и собирающимся въ различныхъ мѣстахъ для провозглашенія своихъ свободолюбивыхъ мыслей и рѣчей, вполне приложимы слова ветхозавѣтнаго пророка Осіи: „заключаютъ союзы, клянутся ложно, говорятъ слова *пустыя*; нѣтъ у насъ царя; ибо мы не убоялись Господа, а царь—что онъ намъ сдѣлаетъ“ (Ос. X. 3—4)? Да исполнятся на нихъ и слѣдующія слова того же пророка: „за то явится судъ надъ ними, какъ ядовитая трава на бороздахъ поля“ (Ос. X, 4).

Христіане, если и соединяются между собою въ различные союзы, то соединяются съ тою именно цѣлью, чтобы не порвать союза своего съ Господомъ, о которомъ говоритъ пророкъ Іеремія: „идите и присоединяйтесь къ Господу союзомъ вѣчнымъ, который не забудется“ (Іер. L, 5) и, слѣдовательно, не расторгнется во вѣки. Но какъ осуществляется на землѣ этотъ „вѣчный союзъ“ людей съ Господомъ? Онъ осуществляется, какъ извѣстно, посредствомъ вѣры, надежды и любви—этихъ трехъ главнѣйшихъ и важнѣйшихъ добродѣтелей христіанскихъ. По словамъ Ап. Павла, мы должны „поступать“ въ своемъ званіи христіанскомъ, „въ которое призваны“, со всякимъ смиренномудріемъ и кротостію и долготерпѣніемъ, снисходя другъ къ другу любовію, стараясь сохранять единство духа въ союзѣ мира“ (Еф. IV, 1—3). По словамъ его же, мы— „одно тѣло и одинъ духъ, какъ и призваны къ одной надеждѣ нашего званія“ (см. 4). У насъ—„одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всѣхъ, Который надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ, и во всѣхъ насъ“ (ст. 5—6). У христіанъ, поэтому, долженъ быть, собственно говоря, одинъ союзъ, именно: *союзъ любви*. Этимъ союзомъ должны быть

1) Изъ службы о умноженіи любви, искорененіи ненависти и всякаго злы. См. Іерейскій молитвословъ.

крѣпко связаны и объединены они между собою на всемъ пространствѣ земли. „Союзомъ любви апостолы твоя связавый Христе, и насъ твоихъ вѣрныхъ рабовъ къ себѣ тѣмъ крѣпко связавъ, творити заповѣди твоя, и другъ друга любить велицемѣрно сотвори“ ¹⁾: вотъ въ чемъ состоитъ главная задача христіанскаго союза! Отсюда видно, что христіане, не смотря на ту свободу союзовъ, какая дарована имъ Высочайшимъ Манифестомъ, никоимъ образомъ не должны сплываться въ тѣ союзы, которые имѣютъ въ виду не упроченіе христіанства въ обществѣ человѣческомъ, а совершенное разрушеніе или искаженіе его...

Мы разобрали четыре вида гражданской свободы, содержащейся въ Высочайшемъ Манифестѣ: свободу совѣсти, свободу слова, свободу собраній и свободу союзовъ. Что-же должно сказать о всѣхъ этихъ свободахъ вообще? Теперь, при широкихъ правахъ на всякую свободу, намъ нужно твердо помнить слѣдующія слова Апостола Павла: „все мнѣ позволительно, но не все полезно; все мнѣ позволительно, но не все назидаетъ; все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною“ (1 Кор. VI, 12;—X, 23). Изъ того, что предложено намъ, мы должны стремиться къ тому, „что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродѣтель и похвала“ (Филип. IV, 8). Что-же ложно, что безчестно, что несправедливо, что грязно, что отвратительно, что позорно, что только порокъ и порицаніе,—отъ того, конечно, мы должны всячески отвращаться...

Упомянутые въ Высочайшемъ Манифестѣ и разобранные нами сейчасъ четыре вида гражданской свободы, какъ „незыблемыя основы“ политической жизни русскаго народа, дарованы ему, по словамъ того же Манифеста, „на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности.“ *Неприкосновенность личности*—что это значитъ? Какъ должна повиматься эта неприкосновенность съ христіанской точки зрѣнія? И что—такое человѣческая личность?..

Если подъ личностію понимать только внѣшнюю оболочку, чловѣка или внѣшнюю фізіономію его внутренняго содер-

жанія, т. е., тѣло человѣческое, то подѣ неприкосновенностію такой личности хотятъ разумѣть полную независимость отъ гражданскаго общества, съ которыми каждый чѣловѣкъ находится въ неразрывномъ союзѣ. Но христіанская, какъ и всякая другая человѣческая, личность состоитъ не изъ тѣла только, а и изъ души. Какъ же, спрашивается теперь, достичь неприкосновенности личности въ этомъ отношеніи? И можетъ-ли быть такая неприкосновенность?..

Истинный христіанинъ, вѣрный завѣтами Христа и добросовѣстно выполняющій гражданскій долгъ, уже по этому самому обладаетъ неприкосновенностію личности и въ гражданскомъ и въ церковномъ смыслѣ. Личность же преступника никогда не можетъ быть свободной отъ ограниченій и стѣсненій. Истинный христіанинъ и при ударахъ неправды, гоненій и преслѣдованій остается превыше всякихъ ограниченій. Вотъ что сказалъ Христосъ Спаситель ученикамъ Своимъ.—„Говорю же вамъ друзьямъ Моимъ: не бойтесь убивающихъ тѣло, и потомъ не могущихъ ничего болѣе сдѣлать“ (Лук. XII, 4), т. е., „не могущихъ убить душу“ (Матѣ. X, 28). „Но скажу вамъ, кого бояться: бойтесь того, кто по убіеніи, имѣетъ власть ввергнуть въ геенну: ей, говорю вамъ того бойтесь“ (Лук. XII, 5). Другими словами, Спаситель говорилъ имъ какъ бы такъ: не бойтесь безсильныхъ людей, а бойтесь Всесильнаго Бога.

Какой же, скажите, духовной свободы вообще и неприкосновенности личности въ частности добиваются теперь люди, давно уже поработанные игу діавола? Ея—этой свободы и неприкосновенности личности нѣтъ у нихъ и быть не можетъ при такомъ образѣ ихъ жизни и настроеніи...

Обращаясь опять къ тѣмъ гражданскихъ свободамъ, которыя дарованы русскому народу Высочайшимъ Манифестомъ, отъ 17-го октября, пожелаемъ, въ заключеніе, чтобы онѣ, при осуществленіи ихъ нами въ нашей личной и общественной жизни, не разрывали связи съ свободой христіанской, свободой духовной, высшей. Дай Богъ, чтобы жизнь Россіи, вливая въ новое русло, текла всегда вполне мирно и счастливо! Подливъ такую широкую свободу изъ рукъ Государя Импера-

тора, оправдаемъ довѣріе Его къ намъ, не только какъ къ гражданамъ своего отечества, Главою и Повелителемъ котораго Онъ поставленъ свыше, но и какъ къ христіанамъ Православной Церкви, Защитникомъ и Покровителемъ которой Онъ является издавна и не будемъ добиваться, разными незаконными и насильственными средствами, получить себѣ еще большую гражданскую свободу и еще большія политическія права, для того чтобы не лишиться намъ въ концѣ концовъ дарованной свободы и, взамѣнъ ея, увидѣть иную совсѣмъ не желательную свободу. Въ книгѣ пророка Іеремія, въ тридцать четвертой главѣ ея мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „посему такъ говоритъ Господь: вы не послушались Меня въ томъ, чтобы каждый объявилъ свободу брату своему и ближнему своему; за то вотъ Я, говоритъ Господь, объявляю вамъ свободу подвергнуться мечу, моровой язвѣ и голоду, и отдамъ васъ на озлобленіе во всѣ царства земли. И отдамъ преступившихъ завѣтъ Мой, и не устоявшихъ въ словахъ завѣта, который они заключили предъ лицомъ Моимъ, разсѣкши тельца на двое, и прошедши между разсѣченными частями его, князей Іудейскихъ, и князей Іерусалимскихъ, евнуховъ, и священниковъ, и весь народъ земли, проходившій между разсѣченными частями тельца,—отдамъ ихъ въ руки враговъ ихъ и въ руки ищущихъ души ихъ, и трупы ихъ будутъ пищею птицамъ небеснымъ и звѣрямъ земнымъ“ (ст. 17—20). Да избавитъ Господь всѣхъ отъ этой страшной свободы его!...

